

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	5
Благодарности	7
Предисловие	9
Часть 1. Знакомство	23
Часть 2. Вхождение в терапию	51
Часть 3. Как выглядит абьюз?	79
Часть 4. Что противопоставить беспомощности?.....	109
Часть 5. Любовь?.....	143
Часть 6. Свобода	175
Часть 7. Просто делай.....	203
Часть 8. Новое начало	227
Послесловие	254

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Художественное повествование в книге ведется от лица психолога — вымышленного персонажа, который помимо работы с клиентами также разбирает собственные нарциссические травмы со своим психотерапевтом. Почему выбран такой персонаж — разве нарцисс может кого-то вылечить?

Принято считать, что нарцисс — это своего рода «диагноз», аннулирующий возможность быть нормальным человеком, и уж тем более — психологом. Во многих книгах нарциссы демонизируются и представляются как манипуляторы и абыюзеры. Здесь же они показаны как обычные люди — безусловно, со своими особенностями и проблемами — но все же нормальные люди со вполне объяснимым поведением, которые способны строить здоровые отношения с собой и другими людьми и быть полноценной частью общества.

Возможно, именно нарцисс как никто способен понять другого нарцисса и работать с ним бережно и эффективно — конечно, если сам при этом проходит терапию и научился справляться с проявлениями своего нарциссизма. Только постоянно работая над собой, терапевт может действительно помогать клиентам, а не ухудшать их состояние. Может быть, повествование от лица психолога-нарцисса покажется кому-то чересчур нарциссичным и даже стигматизирующим, но эта книга ценна тем, что позволяет понаблюдать,

как разворачивается терапия самого терапевта и что она приносит в его работу, а также увидеть, что нарцисс вполне может работать психологом — и работать эффективно. Важны лишь баланс и грамотная компенсация со стороны терапевта.

Несмотря на то что события, описанные в книге, — плод художественного вымысла, автор писала ее на основе собственного многолетнего опыта психотерапевтической работы, в ней содержатся общие стратегии работы с нарциссами в терапии, основанные на классическом, научно обоснованном подходе к проблеме нарциссизма. Надеемся, что книга будет полезна не только начинающим, но и опытным психологам, и всем тем, кто интересуется психологией и психотерапией.

БЛАГОДАРНОСТИ

Книга посвящается людям, которые научили меня думать, делать и жить:

- Бюлер Галине Владимировне, моей маме, героической женщине, сохранившей в себе мужество жить и огонек в глазах, несмотря на свою тяжелую судьбу;
- Любченко Анне Васильевне, создателю нескольких серьезных образовательных проектов, женщине, рядом с которой все начинает оживать;
- Султановой Раисе Дмитриевне, ставшей для меня примером того, как в одном человеке могут сочетаться смелость, способность следовать за мечтой и любовь к жизни;
- Шамшиковой Ольге Александровне, учителю, человеку, много лет занимавшемуся проблемой нарциссизма, без которой этой книги никогда бы не было;
- Тимошенко Наталье Евгеньевне, моему психологу – от меня натерпевшемуся, но с честью выдержавшему всю глубину наших отношений.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный мир многие считают «миром нарциссов». Будучи практикующим психологом, супервизором и руководителем психологического центра, я регулярно убеждаюсь, что эта тенденция сохраняется, на личном опыте: большинство из тех, кто обращается за помощью, — это или люди с нарциссическим типом личностной организации (часто их называют просто «нарциссами»), или их близкие (которых обычно именуют «жертвами нарциссов»).

Вся наша культура, да и в целом та среда, в которой мы живем, пропитаны нарциссическими идеями: понятия «успешность», «персонализация», «индивидуализм», «депрессия» и «апатия» сегодня настолько распространены, что считаются нормой, хотя на деле являются лишь частными проявлениями нарциссизма, получившего невиданный размах. Большинство людей — даже те, кто не особенно интересуется психологией, знакомы со словами «абыюзер» или «манипулятор» (в определенном смысле это синонимы нарциссической личности), но мало кто понимает, почему его близкий и любимый человек действует так, а не иначе.

Неудивительно, что психологи, психиатры и социологи активно пишут и говорят на эту тему. Впрочем, значительная часть таких работ — это научные или психоаналитические тексты, предназначенные для узкого круга специалистов и мало понятные людям, которые

далеки от профессиональной психологии. Радует, что время от времени появляются книги высокого качества и при этом написанные «человеческим» языком. Однако их все равно очень мало. Как человек, интересующийся простыми и интересными текстами, я долго искала книгу по проблеме нарциссизма, которую могла бы со спокойной душой советовать клиентам, но мне все время чего-то в них не хватало.

В одной книге были хорошо описаны нарциссические личности и их типы, но не хватало сюжета и историй из жизни, которые упростили бы понимание теории. «Можно посоветовать эту книгу, — думала я, — но клиент вряд ли дочитает. Я и сама последнюю главу листала по диагонали».

В другой, довольно толковой книге разбиралась позиция жертвы нарцисса, давались рекомендации по противостоянию нарциссическим манипуляциям, но сами нарциссы представляли самовлюбленными агрессорами, демонами во плоти, от которых нужно бежать. Такую книгу не посоветуешь нарциссу, это его только расстроит (а ведь он просто человек, со своими травмами и потребностями, имеющий все те же права, что и ненарциссы — право любить, работать, искать себя). Такую книгу не всегда посоветуешь и «жертве нарцисса», потому что бывает так, что бежать невозможно (например, нарцисс — это твоя стареющая мама) или не хочется (у мужа-нарцисса масса важных для жены качеств, да и просто женщина его любит).

Над третьей книгой я долго думала, потому что она совершенно не укладывалась в классическое научное понимание нарциссизма. В итоге ее тоже отложила: раз я не могу объяснить себе, как автор все это видит, значит, лучше не путаться и не уходить с клиентами в теоретические дебри.

Четвертая книга о нарциссах явно описывала расстройство личности, с которым далеко не все сталкиваются в реальной жизни. «Это пусть психиатры кому-нибудь рекомендуют», — решила я.

Долгое время клиентам я рекомендовала всего одну книгу о нарциссизме — «Пока ты пытался стать богом... Мучительный путь нарцисса» Ирины Млодик. В ней все прекрасно: и слог, и сюжет, и соединение художественного и психологического взглядов. Проблема была всего одна. Возвращая книгу, благодарный клиент неизменно спрашивал: «А есть еще что-нибудь интересное на эту тему?» Но мне нечего было ему ответить, кроме честного: «Я не знаю».

По мере того как я развивалась в качестве практикующего психолога, у меня копился материал: пронзительные истории от клиентов-нарциссов и их близких, большие и маленькие победы в терапии, горькие и смешные шутки, исписанные листы с супервизий коллег, короткие текстовые размышления в заметках... В какой-то момент я поняла, что готова собрать все, что накопилось, и сделать один большой текст. Я хотела написать книгу, которую другие психологи рекомендовали бы своим клиентам сразу после книги Ирины Млодик. И чтобы про мой текст можно было сказать, что он такой же интересный.

Книга вызревала долго. В итоговом варианте она состоит из трех историй: Вероника (клиент с нарциссическим типом личностной организации), Тимур (клиент с созависимостью, сын нарциссической матери) и Кристина, их психолог, ставшая жертвой абьюза со стороны нарцисса. Конечно, у меня никогда не было клиентов по имени Тимур и Вероника, да и мое имя не Кристина, хотя часть про психолога написана от первого лица и во многих абзацах действительно автобиографична.

В каждом из трех героев намешано около десятка разных людей, с их историями и особенностями характера. Я меняла пол и возраст персонажей, обстоятельства, диалоги, чтобы обеспечить моим клиентам конфиденциальность.

Работая над книгой, я хотела, чтобы в ней не было жесткого разделения научной и художественной линий. Я старалась писать понятным языком, избегать терминов и цитат, но при этом придерживалась классического, научно обоснованного подхода к проблеме нарциссизма. Невозможно привести пошаговый план действий терапевта, да его обычно и не бывает. Однако мне казалось важным показать стратегию и тактику работы психотерапевта с нарциссами и их близкими, пусть и завернув ее в десятки смягчающих одеял.

Я намеренно избегала крайностей в описании своих персонажей. Мне было важно, чтобы Вероника и Тимур выглядели нормальными взрослыми людьми, со своими историями и вполне объяснимым поведением. Кроме того, я хотела, чтобы они были «объемными»: для этого их нужно было поместить в среду, чтобы показать, каковы их отношения с окружающими, из-за чего они страдают и что делают, каковы их внешние и внутренние мотивы.

Такой же «объемности» я хотела и для Кристины, психолога из этой книги. Многие люди верят, что психологи почти всемогущи. Немало фильмов снято о том, как высокопрофессиональные психологи и психотерапевты раскрывают сложнейшие преступления, безошибочно строят профиль маньяка, описывая его жизнь вплоть до цвета машины, легко разбираются в почерках и так далее. К сожалению, этим ожиданиям не суждено оправдаться в реальной жизни...

Каждый клиент, каждый случай уникальны. Мы настолько не похожи, что одни и те же ситуации вызы-

вают у нас совершенно разные чувства и мысли. Если вы попробуете поговорить с семейной парой по отдельности, чтобы обсудить их видение тех или иных общих проблем, у вас может сложиться ощущение, что они не живут вместе и даже незнакомы друг с другом. Увидеть и понять друг друга нам мешают детские травмы, сильно повлиявшие на наши мечты, ожидания, фантазии и модели поведения. Все это настолько крепко сидит в нас, что при встрече с внутренним миром другого человека мы искренне теряемся. Теряются не только люди без психологического образования, но и сами психологи, особенно начинающие. Самый частый вопрос, который я слышу от клиентов и учеников: «Так что же мне делать?» Обычно я честно отвечаю: «Не знаю». А потом, видя их погрузневшие и слегка разочарованные лица, добавляю: «Если бы у меня были таблетки для счастья, я бы, наверное, сама выпила всю коробочку». Единственный ответ, который у меня есть, как для клиентов, так и для учеников, — *не оставляйте попыток понять другого человека*: это не всегда добавляет нам счастья, но точно позволяет сделать отношения более честными, прозрачными и понятными.

Кристина — точно не всемогущая. У нее своя человеческая история, детские травмы, которые она прорабатывает с собственным психологом Натальей. Она также обладает нарциссическим типом личностной организации, что не помешало ей быть в созависимых отношениях с другим нарциссом. Эти нарциссические черты иногда мешают, а иногда помогают ей работать с клиентами. Другими словами, Кристина — живой человек, со своими чувствами и мыслями.

Создавая именно такого психолога в качестве персонажа своей книги, я преследовала несколько целей. Во-первых, мне хотелось, чтобы начинающие психологи

меньше боялись приступать к практике и оставили надежду, что однажды они станут достаточно идеальны, чтобы начать консультировать. Идеальность не нужна, да и недостижима, и Кристина тому пример. Во-вторых, я хотела показать клиентам (тем, которые ходят на психотерапию или только размышляют об этом), что нужно искать не идеального психолога, а подходящего. Кристина, вследствие полученного ею опыта, многое понимает и способна помочь как нарциссическим клиентам, так и их близким. Думаю, что персонаж Кристины начал вырисовываться в моей душе, когда ко мне на консультацию пришла Евгения.

Евгения

Евгения сразу сообщила, что пришла всего на одну сессию: она волновалась по поводу своего ребенка. Ей было 47 лет. Серый классический костюм, юбка и пиджак, ничего лишнего. Строгая блузка, туфли на невысоком каблуке. Без косметики, прически, маникюра и прочих женских слабостей. «Выглядит, как классический библиотекарь», — почему-то подумала я. «Я работаю лаборантом в научном центре», — сообщила она. «Почти угадала», — я внутренне удивилась.

Евгения рассказала, что год назад ее сын (на момент сессии ему было 8 лет) начал вести себя странно. Раньше был открытым, жизнерадостным, веселым ребенком, а теперь сидит дома, почти не играет, отказывается идти гулять и жмется к матери.

Я начала с уточнения:

— Что происходило у вас около года назад? Может, были какие-то события или изменения в семье?

— Год назад от нас неожиданно ушел мой муж и его отец.

— Расскажите, что произошло?

— Мы познакомились с ним десять лет назад. Он из другой страны. Какое-то время встречались, потом поженились. Жили неплохо. Он зарабатывал и обеспечивал семью. Помогал по дому. Была долгая и тяжелая история с получением его гражданства. И вот, наконец, год назад он поехал получать российский паспорт. Я думала, мы отпразднуем. Накрыла стол. Он приехал с паспортом, собрал вещи и ушел. Я спросила, почему? Он ответил, что иначе вообще никогда не получил бы гражданства. Сын бросался к нему, пытался обнять, но он отталкивал его и продолжал сборы. После этого я видела его только один раз, когда мы подписывали документы о разводе. Мы не разговаривали. Алименты платит.

Евгения говорила короткими фразами, ее лицо при этом оставалось практически неподвижным. Когда она закончила свой немногословный рассказ, мною овладела буря чувств. Миллионы вопросов пронеслись в голове. Почему он ушел? Что произошло? Когда начался разлад? Она замечала что-то или его уход действительно был полной неожиданностью? Десять лет прожили, неужели и правда дело было только в гражданстве, или он сказал это назло? Психопат? Социопат? А у нее что? Созависимость? Низкий эмоциональный интеллект? С чего начать? Сквозь все эти вопросы пробивался один, для которого я никак не могла подобрать подходящую, вежливую форму: «Как так получилось, что вы прожили с ним десять лет и не чувствовали, что он способен так поступить?» Я перебирала формулировки, но ничего не приходило в голову. Евгения размышляла. Пауза затянулась.

— Я много читаю, — прервала она наше молчание. — В том числе я прочитала много книг по психологии. Понимаете, он — классический нарцисс... — Она говорила мало и скупно, но сквозь этот короткий рассказ

просочилось столько боли, страха, обиды, что невозможно выразить словами.

Она не хотела продолжать разговор о себе — ее волновал сын. Мы рассмотрели возможные варианты разговоров с ребенком, проанализировали некоторые стратегии поведения, обсудили перспективы. Поговорили о том, что такое психотравма, обострившийся страх потери и прочее. Жаль, но она больше не пришла и не привела сына... Я надеюсь, что у этой хрупкой скромной женщины хватило внутренних сил, чтобы ожить самой, и душевного тепла, чтобы вернуть ребенка в норму.

Евгения пришла ко мне в самом начале моей психотерапевтической практики. С тех пор прошло уже более десяти лет, но мне по-прежнему кажется, что это одна из самых страшных историй, которые я слышала. Возможно, тогда я еще плохо умела отделять «рабочие», контрпереносные чувства от собственных, «настоящих». Но до сих пор, когда я пытаюсь представить себе ту ситуацию, я вижу Евгению, с улыбкой ожидающую домой своего любимого мужа и накрывающую на стол, ребенка, весело подающего матери тарелки... Они ждут папу. Потом приходит их любимый человек и сообщает: вы ничего для меня не значите, все, что было между нами, — ложь. Исчезните из моей жизни! Не только сообщает, но и исполняет — складывает вещи и уходит навсегда.

Мне было трудно оставить эту историю без ответов: психологам тоже требуется «завершение гештальта». В конце концов я придумала историю Олега, бывшего мужа Евгении. В этой истории он пришел на прием и все мне объяснил. У него, конечно, не было запроса и боли — ведь он создан только для того, чтобы успокоить мои собственные переживания. Чтобы и вы, доро-

гие читатели, не остались в неприятной неизвестности, расскажу вам, что мне «поведал» Олег.

Олег

«Когда мы встретились, мне она понравилась. Не то что эти покрашенные, что-то строящие из себя девчонки. Она была умна. Не могу сказать, что я ее любил и боготворил, но с ней было нормально. Она хотя бы не перебивала, когда я ей что-то объяснял. Понимала, что нет толку спорить с человеком, который лучше знает. Хотя в итоге это обернулось тем, что я постоянно ее тянул. То ей деньги нужны, то внимание, то она не понимает, как правильно обращаться с женщиной. Я ее многому научил. Мне кажется, она должна быть признательна, что такой мужчина, как я, вообще жил с ней. У меня ведь было множество вариантов.

Она была не слишком хорошей хозяйкой. Дома не было идеально чисто. А мне это важно. Я ничего особенного не требовал. Но можно к моему приходу белье перестирать? А сколько раз было, что она мне гладила рубашку вместо того, чтобы приготовить завтрак? Я ей постоянно говорил — вечером гладь, завтрак для меня очень важен! Мне не пойдет несчастная яичница с бутербродом. Я работаю целый день, мне нужна нормальная питательная еда утром. Ну и обед с собой взять, конечно, — иначе наши семейные деньги будут уходить на еду в кафе. Но она ленилась. Регулярно подсовывала мне вчерашнее. Она же дома сидит, ей не так трудно встать утром пораньше и приготовить. Потом может и днем отоспаться. Ладно, когда она на работу вышла, я понимаю, может, и не успевала. Но три года, пока дома сидела с ребенком, — вот этого я не понимаю. Вечно “я устала, я устала”. Обыкновенная женская работа — сидеть с ребенком. Ничего особенного не вижу.

Я считаю, если мужчина обеспечивает семью, он может рассчитывать, что его как следует накормят.

А внешний вид? Я ей сто раз говорил — запишись в зал, надень что-то посексуальнее. Хотя бы дома, для меня. Но она — наоборот. Пока ходила на работу — выглядела более или менее, как человек. А как села с ребенком — кошмар! Вечно какая-то кислая, нерасчесанная, располнела к тому же. Мало мне улыбалась, а для меня это важно. И в постели она была зажата. Мужчина ведь должен чувствовать, что он обладает сокровищем: чтоб пришел со своей женой на работу — а остальные мужики обзавидовались. Ну и должен чувствовать, что его любят и ждут дома. А иначе зачем семью заводить? Я не чувствовал ни того, ни другого.

Ничего не менялось с годами, только хуже становилось. Я ей говорил — давай вместе время проведем, погуляем. А она везде тащила ребенка. Ну вообще-то его можно и оставить кому-то на время. У нее же есть подруги.

Я пытался с ней просто поговорить. Как вначале. О чем-нибудь серьезном. О науке, о книгах. Но она либо молчала, либо начинала говорить полнейшие глупости, либо вообще переводила тему. Я ей про новую книгу, а она — про планы на покупку дивана. Дикость, конечно. Обабилась она, как говорится. Я все думал — может, наладится? Но она меня не понимала совсем. Жена должна быть другом, спутником, а она не была такой. Она не понимала, чего я хочу на ужин, как я хочу провести время — побыть одному или побыть с семьей. Мы с ней на разных языках говорили, понимаете? Быт, быт. По-моему, ее ничего уже не волновало, кроме быта. А человек — он должен оставаться человеком. Должен быть некий полет мысли, вдохновение, крылья за спиной. Она меня засасывала, как зыбучие пески,

в этот быт. Я как человек, как личность погибал с ней. Она не ценила все, что я делаю. Например, я ей дам денег, но она через неделю просит еще. А экономить ты не пробовала, дорогая? Ты же знаешь, что я на ноутбук коплю. Он мне очень нужен для работы.

Когда родился ребенок, стало еще хуже. Она теперь постоянно с ним возилась. Я говорил ей – вообще-то у тебя не только ребенок, но и муж есть, но это было бесполезно. Она окончательно разленилась, переложила на меня кучу дел по дому. Постоянно прикрывала ребенком свою лень. Вот я точно знаю, что она с ним гуляла днем. Аптека в двух шагах от дома. Ну зайди сама за памперсами. Нет, она дождется меня с работы и заставит идти. Она что, не понимает, что я устал? Все время вокруг этого ребенка скакала. Я ей говорю – ты его слишком опекаешь. Она молчит. А потом он подрос, она совсем ослепла. “Смотри, какой рисунок он нарисовал, послушай, какой стишок выучил”. Да я в его годы уже Толстого читал. А она мне стишками тыкает. Она даже с ребенком не занималась как следует. А я что могу? Я на работе.

В общем, к тому времени, когда я, наконец, получил паспорт, между нами уже ничего не было. Так к мужчине относиться нельзя. И я уже не любил ее. Последние полгода реально дожидался паспорта. Я планировал уход и не страдал, когда уходил. Там уже нечего было спасать. Я мог сам погибнуть в таких отношениях. Поэтому, когда получил паспорт, действовал решительно. Я честный человек, исправно плачу алименты, но жить я с ней не собираюсь.

В целом, я думаю, что она должна мне быть благодарна. Я ей много дал. И особенно сына. Сын от меня хороший, мои гены. Красивый, здоровый. От кого бы еще она могла такого родить?..»

Как велико искушение осудить Олега и пожалеть Евгению! Если это желание непреодолимо, то поддайтесь ему на несколько секунд, а потом возвращайтесь к тексту. Нам понадобится сделать серьезное усилие над собой — такое же, которое ежеминутно совершает каждый психолог на сессии с клиентом. Примем безоценочную позицию и попробуем понять, что стоит за тем, что сообщает нам каждый из этих героев напрямую.

Внешний вид Евгении говорил о том, что она привыкла к ограничениям. Она ориентировалась не столько на чувства, сколько на мысли. Какие же у нее могли быть мысли, когда она встретила Олега? Ей было 37, она была одинока, ей хотелось иметь семью, а выбирать было не из кого. Она не пыталась разобраться, насколько Олег надежный партнер, она просто приняла его ухаживания и быстро забеременела. Долгие годы она соглашалась на все его условия по быту, осуществляла заботу, ставила интересы его и ребенка превыше своих. Почему? Наверное, из-за заниженной самооценки. Она сама себя убеждала: все не так уж плохо (не пьет, не изменяет, зарабатывает); на нее никто больше не посмотрит (не посмотрел же за предыдущие 37 лет); это ее последний шанс на семью (раз есть муж и сын — то это семья); она не может никуда уйти, даже если захочет (сын привязан к отцу, да и без его денег они не справятся); люди ее не поймут (все думают, что ей повезло, ведь на людях он внимателен и заботлив).

Наверняка Евгения с детства привыкла довольствоваться малым, терпеть и скрывать свои подлинные чувства. Что было бы, если бы ей встретился не нарцисс, а зрелый мужчина, готовый к семье и отцовству? Она бы ему не поверила. Потому что «это слишком хорошо, чтобы быть правдой».

Что позволило ей порвать эти отношения? Что помогло ей не бегать за бывшим мужем, не умолять его вернуться? Думаю, два фактора — боль, которую он причинил сыну (она могла простить равнодушие и жестокость к себе, но не к ребенку), и собственная усталость (Олег, несомненно, был человеком тяжелым — как в бытовом, так и в эмоциональном смыслах). Поэтому Евгения перелистнула этот этап и начала жить ради ребенка так же, как раньше жила ради семьи.

Отвечая на мой так и не озвученный на той сессии вопрос, она могла бы сказать: «Да, я знала, что он может внезапно уйти. Но все было не так уж плохо, и я надеялась, что мы справимся». И неважно, что «не так уж плохо» звучит слишком подозрительно, а во фразе «мы справимся» никакого «мы» на самом деле не существовало...

А что же Олег? Был ли он абыюзером, манипулятором и нарциссом? Да, был. Но все эти слова не добавляют нам понимания его потребностей. Олег мучительно пытался найти мостик между своими идеалистичными фантазиями о семье, нещадно скачущей самооценкой и той реальностью, которую он видел дома. Он начинал встречаться с Евгенией не из-за паспорта, у него на самом деле были к ней чувства. Точнее, ему нравилась ее способность молчать и слушать, которую он принимал за любовь к себе. Кстати, вопрос о том, любила ли Евгения Олега, так и остался за кадром. А вот он поначалу был ей очарован.

Конечно, у них все случилось быстро — встреча, брак, ребенок. У нарциссов все происходит быстро, потому что, захваченные фантазиями, они не могут остановиться, они стремятся к полному слиянию. И пока человек рядом молчит, эта иллюзия слияния живет в них, нашептывая: «Наконец-то ты нашел настоящую любовь!»

Однако нарциссам всегда мало. Встречаемся — давай жить вместе. Живем — давай жениться. Поженились — давай родим общего ребенка. Родили — давай хотеть одного и того же, думать и чувствовать одинаково. Им не нужен реальный человек, они пытаются найти свою точную копию, не подозревая, что ищут того, кого каждый день видят в зеркале.

Почему же он говорит, что «не особо любил»? Потому что он уже давно прошел цикл очарования-разочарования и боялся признаться самому себе в том, что ошибся: Евгения оказалась совсем не тем человеком, что он искал. Она не угадывала, что ему нужно в каждую конкретную секунду, а значит — не любила. Он даже пытался сообщать ей о своих потребностях (раз уж она не догадывается), но она все равно не успевала их насыщать. И тогда на место разбитых фантазий о любви пришла злость, которая выглядела как критика. Олег постоянно говорил Евгении, в чем она не такая — не так одевается, готовит, стирает, гладит, занимается любовью, растит сына. И чем больше он говорил ей все это, тем больше она замыкалась в себе и отдалялась от него, что для Олега было невыносимо. И тогда он понял, что для него нет иного выхода, кроме как порвать эту мучительную для него связь.

Свой стыд он прикрыл честными алиментами, бахвальством и ожиданием благодарности с ее стороны. Однако благодарности от Евгении он так и не дождался. Думаю, он сменил еще несколько женщин, может быть, завел еще детей, но так никогда и не был счастлив. Но мы об этом никогда не узнаем, ведь Олег так никогда и не пришел ко мне, это всего лишь мои фантазии.

Итак, пришло время оставить тех, кто не захотел проходить психотерапию, и, наконец, встретиться с настоящими героями этой книги...

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru